

Рецензия на диссертацию В.Р. МЕДИНСКОГО «ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОСТИ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV-XVII вв.» (М., 2011), представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности - 07.00.02

Известный филолог Д. М. Буланин в статье «Дух празднословия» констатировал факт появления «некоего класса, весьма значительного раздела книжной продукции России за последние годы, класса, состоящего из произведений, которые облечены в форму научных исследований, а по содержанию весьма далеко отстоят от гуманитарных наук в классическом их понимании. Да и от наук вообще как особого направления творческой деятельности человека» (полный текст этой публикации в журнале «Русская литература» можно найти на сайте ученого). К сожалению, подобные процессы затронули также и сферу написания и защиты диссертаций.

Автореферат и отдельные разделы диссертации Владимира Ростиславовича Мединского, опубликованные им самим в интернете после защиты, уже были предметом обстоятельного внимания и разбора со стороны И. В. Карацубы, А. Н. Лобина, В. В. Пенского и других исследователей и блогеров. Они высказали обоснованные обвинения в заимствованиях из чужих работ в автореферате и в «пещерном» уровне работы с источниками. После этого у исследователей и возникли вполне закономерные сомнения относительно качества диссертации В. Р. Мединского. До объявления о ее защите в 2011 году мало кто догадывался о существовании такого специалиста по изучению записок иностранцев о России XV–XVII вв., как Мединский. Основные статьи и книги диссертанта, указанные в автореферате, судя по выходным данным, появились в последние перед защитой диссертации два года. Практически все они вышли в издательстве Российского государственного социального университета, где и происходила защита.

Между тем даже эти пять книг, в которых, как сказано в автореферате, «отражены основные результаты исследования» Мединского, представляют из себя книги-фантомы. Так, следующие якобы написанные Мединским книги отсутствуют во всех крупных библиотеках страны (номера указаны по списку работ в автореферате):

11. Мединский В.Р. Русское государство времени Василия III в «Записках о Московии» С. Герберштейна. Монография. – М., 2009. – 156 с.
12. Мединский В.Р. Первые впечатления европейцев о Русском государстве. Монография. – М., 2011. – 148 с.
13. Мединский В.Р. Иностранцы о Московии накануне Петровских преобразований. Монография. – М.: РГСУ, 2010. – 180 с.
14. Мединский В.Р. Россия первой половины XVII века в сочинении Адама Олеария. Монография. – М., 2009. – 150 с.
15. Мединский В.Р. Проблемы объективности в освещении европейцами российской истории второй половины XV – XVII вв. Монография. – М.: РГСУ, 2010. – 380 с.

При попытке ознакомиться с «ваковскими» статьями Мединского выяснилось, что выходные данные ряда статей также подделаны. Так, одна статья так и не была опубликована (Сочинения Барбаро и Контарини о русском государстве второй половины XV века // Социальная политика и социология. № 4. 2011. – С. 160-166). Еще две статьи в автореферате указаны как вышедшие в 2010 году, в то время как настоящий год их публикации — 2011-й. Вероятно, это было сделано для того, чтобы не бросалась в глаза публикация «ваковских» статей Мединского всего за несколько месяцев до защиты диссертации.

Следовательно, Владимир Мединский сознательно ввел в заблуждение членов диссертационного совета, членов экспертного совета ВАК и других специалистов, не имевших возможности оценить реальное число опубликованных им книг и статей. Напомним, что наличие публикаций является необходимым условием для защиты диссертации.

В. Р. Мединский утверждает, что предмет его исследования — «проблемы объективности в освещении иностранцами российской истории в рассматриваемый период», то есть в XV–XVII века. К сожалению, в диссертации не объясняется, откуда взялся этот предмет исследования. Проблема достоверности известий иностранцев о России с давних пор стоит в исторической науке, однако рассматривается в другом ключе — она подразумевает исследование путей передачи информации, сопоставление оригиналов и переводов, анализ сведений источников.

Поиск «объективности» чаще всего приводит В. Р. Мединского к уличению авторов известий о России в предвзятости. Более того, выявленный диссертантом «субъективный характер» записок иностранцев (он всерьез считает это своим научным достижением) трактуется им как часть единого антироссийского заговора, длившегося почти два века и затронувшего практически всех иностранцев, хоть что-то написавших о России. До Мединского никому из историков не приходило в голову устраивать общий суд над иностранными авторами записок о России и бездоказательно обвинять их в намеренной фальсификации своих известий.

В своей диссертационной работе В. Р. Мединский не справился с первоочередной задачей, которую требует поставленная им проблема изучения всего корпуса иностранных записок о России XV–XVII вв. Дело в том, что о существовании подавляющего большинства источников он просто не знает. Автор диссертации пишет: «Общее число только переведенных на русский язык записок иностранцев достигает за два века 70 текстов» (с. 23). Мединский основывается на устаревших сведениях из работы Ф. Аделунга (1846 г., в работе указана ошибочная дата – 1864 г.). Тем временем библиографический труд, вышедший в свет под редакцией П. А. Зайончковского «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» (М., Книга, 1976), остался Мединскому неизвестен. В ней «70 текстов» насчитывается по библиографическим описаниям только до начала XVII века. К Смутному времени в этом указателе относится еще порядка 20 источников, к XVII веку – около 30.

Общее число записок иностранцев о России XV–XVII вв. (как переведенных, так и не переведенных), по мнению диссертанта, насчитывает 150 «текстов», указанных в работе все того же Ф. Аделунга (с. 28). Однако в наиболее полном на сегодняшний день аналитическом библиографическом перечне «Московитики», составленном американским профессором Маршаллом По, приводятся другие данные – 223 наименования, учтенных в труде Аделунга (См.: Poe, Marshall T. *Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources Second Edition Revised, Corrected, and Expanded* by Marshall Poe Slavica Publishers, Inc. Copyright © 1995, 1999, 2008 by the author).

Излишне говорить, что В. Р. Мединский ничего не знает о существовании этой современной библиографии записок иностранцев о России. В ней тем временем учтено 638 названий дипломатических реляций, описаний путешествий, дневников и воспоминаний о пребывании в Московии. Если сравнить эту цифру со списком использованных публикаций иностранных записок, который приводит доктор наук Мединский (31 наименование, включая научно-популярные издания), то становится понятно, что диссертант обратился

лишь к немногим из существующих источников, отобрал их по собственному усмотрению и использовал лишь те труды, которые были доступны на русском языке.

Историографический обзор в работе В. Р. Мединского содержит ссылки на несколько общих трудов и научно-популярных изданий. Анализ истории изучения текстов записок иностранцев в России и за рубежом отсутствует. Этот раздел диссертационного труда демонстрирует, что у Мединского нет навыков историографического анализа. Изучение большой научной традиции изучения иностранных известий о России диссертант подменил краткими характеристиками обзорных трудов.

Историкам XIX века Мединский предъявляет неуместные обвинения в том, что они думали не так, как он. Например, характеризуя по сути единственный в историографическом обзоре общий труд об известиях иностранцев о России молодого Василия Осиповича Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» (изданный в 1866, а не в 1865 году, как сказано в диссертации), Мединский замечает: «Характерно, что В. О. Ключевский даже не поставил вопрос о том, что некоторые иностранцы умышленно искажали русскую действительность, выполняя политический заказ определенных международных кругов, враждебно настроенных к России» (с. 31). Это действительно «характерно», и один этот факт должен был бы предостеречь диссертанта от наполнения своей работы заведомо политизированным и идеологически ангажированным содержанием.

Кроме работы В. О. Ключевского в своем историографическом обзоре Мединский более или менее подробно говорит о двух книгах — «исследователя» В. Н. Бочкарева «Московское государство XV-XVII вв. по сказаниям современников иностранцев» (1914) и «эмигранта» Г. К. Лукомского — «Московия в представлениях иностранцев XVI–XVII в.» (1922) (обе книги диссертант отнес к историографическому этапу «до 1917 года» (с. 33-35)). При этом Мединский умалчивает, что труд В. Н. Бочкарева (кстати, переизданный в 2000 году) — это популяризаторская работа, своеобразный компендиум из записок иностранцев, основное содержание которого составляют подобранные по разным темами выдержки из иностранных известий о Московском государстве. Краткое введение книги Бочкарева представляет из себя всего лишь общий обзор использованных источников.

С книгой Г. К. Лукомского, судя по всему, автор диссертации не знаком вовсе. Иначе трудно объяснить, почему он не заметил подзаголовок этой работы — «очерки П. Н. Апостола» и не отметил ее библиофильский характер. Автор не претендовал на исследовательскую постановку вопросов, а вводный очерк книги совсем краток. Лукомский выступал всего лишь как издатель очерков парижского библиофила П. Н. Апостола, рассказывавшего о редких изданиях записок и трудов Гербштейна, Олеария и Корба из собственного собрания. Думать, что «Г. К. Лукомский полностью доверял всем показаниям иностранцев и на их основе представлял Русское государство XVI–XVII веков в достаточно темных красках» (с.35), конечно, не приходится. Такой вывод основан только на недоразумении и предвзятости диссертанта.

Второй период историографии выделен в диссертации В. Р. Мединского как время от 1917 года до середины 1980-х годов (с. 37). Однако и здесь изучение историографии подменяется перечислением публикаций источников. При таком подходе неясно, чем отличаются публикации 1920-х и 1930-х годов, а также остается без всякого объяснения утверждение автора о том, что «в первое послевоенное время исследователи не проявляли интереса к переводу и публикации сочинений иностранцев» (С. 39). Диссертант или лукавит, или действительно не понимает истинных трудностей советской историографии. Между тем хорошо известно, что в это время отнюдь не все зависело от исследовательских интересов. Достаточно вспомнить искажающее влияние идеологических кампаний конца 1940-х годов

(например, пресловутую «борьбу с космополитизмом»), и известный перерыв в публикации записок иностранцев в 1940–1950-е годы получит свое настоящее объяснение.

Претензии, которые Мединский предъявляет автору учебника по источниковедению академику М. Н. Тихомирову, посвятившему целую главу характеристике сочинений иностранцев, также абсолютно несостоятельны. «Тихомиров даже не поставил вопрос о достоверности сообщенных в них сведений, – сообщает Мединский. – Не отметил он и то, что использование их в качестве исторических источников невозможно без предварительно изучения и анализа» (с. 41). На примере этих слов хорошо видно, что у диссертанта нет базового исторического образования и он буквально «ломится в открытую дверь». Также очевидно, что он прочитал не весь учебник М. Н. Тихомирова и не знает его трудов. Иначе Мединский наверняка поостерегся бы упрекать в незнании азов исследовательской работы выдающегося историка и основателя целой научной школы источниковедения русского средневековья. Тем более что у самого Мединского, как будет показано ниже, подход к источникам исключительно иллюстративный: он не исследует их, а лишь упоминает об их существовании в обоснование какого-либо общего утверждения.

Обвинение в отсутствии постановки вопроса о достоверности Мединский повторяет впоследствии еще несколько раз, адресуя их также публикаторам ряда академических изданий записок иностранцев. Однако заметим, что эти люди, в отличие от диссертанта, самостоятельно переводили и комментировали источники, исследовали обстоятельства создания текстов и биографии их авторов. Академические издания источников достаточно говорят о понимании их составителями источниковедческих задач, поэтому адресованные им претензии человека, не издавшего ни одного источника, выглядят просто как неуместное вмешательство дилетанта в разговор профессионалов. Тем более что весь так называемый «фактологический материал» взят и пересказан Мединским из «критикуемых» им работ по принципу школьного изложения.

Следующая часть историографического обзора посвящена обзору литературы о записках иностранцев с середины 1980-х годов по настоящее время. Современная историографии темы, по мнению Мединского, исчерпывается двумя-тремя работами. Особо диссертант выделил книгу «Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы» (М., 1997), составленную О. Ф. Кудрявцевым (о причинах такой избирательности остается догадываться). О. Ф. Кудрявцев, как и другие исследователи, получил от Мединского дежурный упрек в том, что «не поставил вопрос о достоверности сообщенной в этих произведениях информации» (с.46). Н. В. Сеницына, С. Г. Яковенко и другие исследователи, участвовавшие в составлении этой книги, Мединским в обзоре не упомянуты. Как положительный пример «критической» работы с записками иностранцев диссертант выделил труд Д. В. Лисейцева о приказной системе Московского государства времен Смуты, имеющий косвенное отношение к теме изучения записок иностранцев о России. При этом Мединским была не замечена работа С. Н. Богатырева – исследователя, который подготовил комментированный перевод на русский язык нового английского источника о России конца XVI в., так называемых «Писанных законов».

Перечень современных трудов по теме диссертации, о которых диссертант не знает или не упоминает, слишком велик, чтобы воспроизводить его целиком. Упомяну только наиболее заметные в современной историографии работы: новые издания записок иностранцев о России, подготовленные классиком этой темы А. Л. Хорошкевич, Г. М. Коваленко, А. С. Лавровым и другими исследователями (см. например, недавние публикации сочинений Ю. Видекинда, Де ла Невилля, Г. Штадена, Н. Мархоцкого, Я. Ульфельдта), а также статьи Ю. Н. Беспятых о проблемах перевода иностранных известий, исследования М. М. Крома и А. И. Филюшкина.

Зато вместо научного разбора современной российской историографии в диссертации можно встретить скандальную для докторского исследования ссылку: nauka-shop.com/mod/shop/productID/54541. Эта ссылка ведет на ресурс по торговле рефератами в интернете. Оказывается, именно оттуда в диссертацию В. Р. Мединского попали целые страницы диссертации по культурологи на тему «Социокультурная проблематика французской "Россики" последней трети XVIII века» (2005). Ее автор Н. Ю. Вошинская даже не упоминается диссертантом.

Краткий «обзор зарубежной историографии» в диссертации Мединского представляет собой случайное перечисление некоторых трудов, часть из которых даже не упомянута в списке литературы на иностранных языках. Диссертант не знает монографию профессора А. Каппеллера (1972), выявившего и проанализировавшего 66 немецких брошюр и летучих листов об Иване Грозном. Неведомы ему и многие современные комментированные издания текстов иностранцев, писавших о Московии (см. работы Л. Берри и Р. Крамми).

Впрочем, судя по особенностям «работы» Мединского с зарубежной литературой, она вовсе не была предметом его научного анализа. Названия трудов на иностранных языках заимствованы (вероятно, «для количества») из работ других авторов, публиковавших записки иностранцев: повторяются указанные там страницы (даже если дается ссылка всего на одну страницу из текста иностранной публикации), воспроизводятся ошибки, возникшие при распознавании текстов в интернет-публикациях (например, *Pfalz-graien* вместо *Pfalzgrafen*).

Г. Штаден (*vostlit . narod . info* и *hrono . info*):

Actenstuecke aus dem geheimen Staatsarchiv zu Berlin aus den Jahren 1578 — 1579. Des Pfalzgrafen Georg Hans Anschlag auf Livland. Mitgetheilt von Th. Schiemann (Mittheilungen aus der livl. Geschichte. 1892. Bd. XV. Heft I. S. 117-159).

Admiralsakten (Die) von Pfalz-graf Georg Hans Grat zu Veldenz (Mittheilungen aus dem Stadtarchiv von Koln. 1889. Heft 15. S. 1 — 55).

Geschichtsliteratur (Die livlaendische) 1886 — 1912. Von Poelchau, Feuereisen. Osten-Sacken, Wulffius, Arbusow.

Kunz J. J. Die Politik des *Pfalz-graien* Georg Hans von Veldenz. Bonn, 1912. S. 82.

Pierling Paul. La Russie et le Saint-Siege. Etudes diplomatiques. Vol. 2:

Arbitrage pontifical. Projets militaires de Bathory contre Moscou. Paris. 1897.

Platzhoff Walter. Das erste Auftauchen Russlands und der russische Gefahr in der europ. Politik. (Hist. Zeit-schrift 1916. Bd. 115. S. 77-93).

Schiemann Th. Ein abenteuerlicher Anschlag (Baltische Monatschrift. Bd. 36. Heft 1. S. 21-34).

Schiemann Th. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Bd. II. Berlin, 1887.

UebersbergerH. Oesterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1: von 1488 — 1605. Wien, 1906. S. XVI. 584.

Докторская диссертация В. Р. Мединского, с. 478:

218. Actenstuecke aus dem geheimen Staatsarchiv zu Berlin aus den Jahren 1578 — 1579. Des Pfaizgrafen Georg Hans Anschlag auf Livland. Mitgetheilt von Th. Schiemann (Mittheilungen aus der livl. Geschichte. 1892. Bd. XV. Heft I. S. 117-159).

219. Admiralsakten (Die) von Pfalz-graf Georg Hans Grat zu Veldenz (Mittheilungen aus dem Stadtarchiv von Koln. 1889. Heft 15. S. 1 — 55).

220. Geschichtsliteratur (Die livlaendische) 1886 — 1912. Von Poelchau, Feuereisen. Osten-Sacken, Wulffius, Arbusow.

221. Kunz J. J. Die Politik des *Pfalz-graen* Georg Hans von Veldenz. Bonn, 1912. S. 82.

222. Pierling Paul. La Russie et le Saint-Siege. Etudes diplomatiques. Vol. 2:

Arbitrage pontifical. Projets militaires de Bathory contre Moscou. Paris. 1897.

223. Platzhoff Walter. Das erste Auftauchen Russlands und der russische Gefahr in der europ. Politik. (Hist. Zeit-schrift 1916. Bd. 115. S. 77-93).

224. Schiemann Th. Ein abenteuerlicher Anschlag (Baltische Monatschrift. Bd. 36. Heft 1. S. 21-34).

225. Schiemann Th. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Bd. II. Berlin, 1887.

226. UebersbergerH. Oesterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1: von 1488 — 1605. Wien, 1906. S. XVI. 584.

После такой «работы» с зарубежной научной литературой разговор о каких-либо историографических наблюдениях диссертанта становится излишним. Достаточно лишь констатировать, что зарубежную историографию В. Р. Мединский не изучал.

Не лучше обстоит дело и с характеристикой источников по теме диссертации. В. Р. Мединский подменил его кратким обзором существующих источников по истории XV-XVII вв., не имеющим никакой самостоятельной ценности. Итак, в качестве основного источника своей работы Мединский выделяет записки иностранцев. Диссертант пишет: «Эти памятники, как правило, дошли до настоящего времени в составе старопечатных книг» (с. 51). Между тем «старопечатными», как известно, называются книги, напечатанные на церковно-славянском языке. К западноевропейским изданиям этот термин в книговедческой литературе не применяется. Неслучайно В. Р. Мединский упоминает только о существовании библиотеки Российского государственного архива древних актов, но не упоминает о других крупных собраниях, в которых содержатся прижизненные издания записок иностранцев о России: «Россика» в собрании Российской национальной библиотеки, Музей книги Российской государственной библиотеки.

Перечисление других материалов, которые, как пытается убедить читателя Мединский, были привлечены им в ходе работы, носит характер общих сведений о видах источников. Их обзор не связан с основным содержанием диссертации, к тому же содержит утверждения, показывающие, что диссертант имеет очень приблизительные знания о предмете. Например, Мединский пишет: «Еще хуже обстоит дело с документацией Разрядного приказа - полностью она сохранилась только с 1594 года...». Откуда взялась эта произвольная дата определить невозможно, историкам эпохи она неизвестна, а о хорошей сохранности документов Разряда на рубеже XVI–XVII вв. говорить не приходится. Последние известные диссертанту публикации актового материала датированы 1960-ми годами, хотя с тех пор было опубликовано немало фундаментальных трудов такого рода: «Акты Русского государства», «Акты служилых землевладельцев» и т.д. Диссертант также упоминает об использовании «дополнительных источников» для перепроверки сведений иностранцев, однако если они и использовались, то исключительно с иллюстративными целями.

В списке литературы в диссертации перечислено всего 13 архивных источников, включая карточные каталоги двух книжных фондов РГАДА. Однако описания материалов посольских книг (№№ 1–6 из списка архивных источников в диссертации) дословно воспроизводят текст из их известного обзора, составленного Н. М. Рогожиным «Обзор посольских книг из фондов — коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.)» (М., 1990). Вся работа Мединского свелась к сокращению «излишней» для диссертанта информации и к переделке указания количества листов: например, в указателе Рогожина – «721 л.», а диссертант пишет, что использовал «лл. 1-721». Большой труд! Остается повторить вслед за А. Н. Лобиним, автором статьи «Пещерное источниковедение», опубликованной на сайте polit.ru: «Лично я сильно сомневаюсь, что диссертант, не имеющий базового исторического образования, читал в подлинниках все дела (подчеркиваю - несколько тысяч страниц скорописи XVI–XVII вв.), якобы использованные в диссертации». Следовательно, и описания якобы использованных диссертантом «дополнительных» архивных источников взяты из чужих обзоров и публикаций.

Основное содержание работы В. Р. Мединского – это не анализ текстов, а пристрастное бичевание писавших о России иностранных авторов, заподозренных диссертантом в заговоре с целью фальсификации образов русских правителей и целого народа. Пересказ исторических обстоятельств, биографий авторов иностранных известий о России основан на чужих работах. Исследование подменено домыслами, стилистика которых совершенно не соотносится с диссертационным исследованием.

Диссертация В. Р. Мединского включает в себя следующие выделенные диссертантом «разделы»:

РАЗДЕЛ II. Развитие Московского централизованного государства во второй половине XV-XVI вв. в свидетельствах европейцев (с. 69)

РАЗДЕЛ III. Правление Василия III по свидетельству Сигизмунда Герберштейна (с. 142)

РАЗДЕЛ IV. Россия периода царствования Ивана Грозного в оценках современников (с. 227)

РАЗДЕЛ V. Образ России XVII века в трактовке зарубежных авторов (с. 295)

В разделах II–IV разделах диссертант последовательно «разделяется» с Барбаро и Контарини, Герберштейном, Штаденом и Шлихтингом, Поссевино и другими авторами. Попутно достается правителям разных стран, обвиненным в «чернении» (с. 110) Русского государства. Исследователя, который будет знакомиться с текстом диссертации В. Р. Мединского, ждет немалое интеллектуальное испытание, поскольку работа обильно сдобрена глубокомысленными заключениями, вопросы о происхождении которых могут поставить в тупик. Рецепт работы В. Р. Мединского прекрасно раскрыт все тем же А. Н. Лобиним. Позволю себе еще одну цитату. Мединский, как пишет А. Н. Лобин, «берет отдельный эпизод из сочинений иностранцев, и сравнивает его с тем, «как должно быть на самом деле», а затем выносит свой вердикт – говорит правду или неправду автор сочинения о России. Мединский оценивает источник с позиций собственных представлений об эпохе и выдает свои субъективные оценки за объективизм. То есть вместо анализа текстов сочинений XV–XVII вв., их списков и изданий, выявления текстуальных заимствований, источников информации, политических воззрений авторов, идеологических составляющих и т.д. диссертант с дилетантской легкостью рассуждает о том, что записки такого-то путешественника «не несут негативной окраски» по отношению к России, а у этого сплошной негатив, тот врет, а этот преувеличивает. Такой подход представляет собой яркое свидетельство наивных представлений Мединского о критике исторического источника... В современном научном сообществе судить личности и события прошедших веков с колокольни ценностей XXI века антинаучно и бесперспективно».

Статья А. Н. Лобина дает достаточное представление о методах работы диссертанта с ранними источниками XV–XVI вв. (особенно в разделе диссертации В. Р. Мединского про Сигизмунда Герберштейна) и избавляет нас от необходимости повторного разбора. Обращение к другим частям диссертации показывает, что вся она выстроена по одной графоманской методике. В. Р. Мединский выбирает одного автора (читал источники автор, напомним, в русском переводе, а не в оригинале), пересказывает прочитанные у публикаторов и комментаторов биографические сведения, «критически» перечисляет некоторые известия и опровергает их с помощью своих собственных рассуждений.

Своеобразный взгляд на хронологию дал основание Мединскому рассматривать хорошо известное сочинение Джильса Флетчера «О государстве Русском», изданное в 1591 году, в посвященном XVII веку разделе диссертации (с. 295–437). При характеристике же известий Джильса Флетчера Мединский последовательно настаивает на том, что главная цель англичан в России состояла в уходе от ответственности за финансовые махинации, приведшие к упадку в торговых делах с Россией (?!). При этом Мединский полагает, что ему должны верить на слово.

По-своему диссертант трактует и известие Флетчера о драме с гибелью сына Ивана Грозного, считая, что «из-за отложения солей» (?!) Грозный не мог нанести сыну царевичу Ивану смертельный удар. Поразительна логика Мединского и в трактовке известия Джильса Флетчера об угрозе жизни царевичу Дмитрию. На основании того, что он встретил имя кормилицы Ирины Тучковой в Следственном деле 1591 года, автор диссертации считает возможным опровергнуть свидетельство Флетчера о гибели царевича от яда кормилицы. «Данный факт позволяет в очередной раз уличить английского дипломата во лжи» (с. 309), уверяет читателя Мединский, наверное, полагая, что при дворе царевича Дмитрия была только одна кормилица или мамка.

В. Р. Мединский не доверяет и свидетельству Флетчера, рассуждавшего о возможных правах ливонской королевы Марии Владимировны на русский престол. Ход его размышлений сводится к тому, что она всего-то троюродная сестра царя, «т.е. достаточно

дальняя родственница» (трюизмы диссертанта заслуживают отдельного разбора), к тому же женщина — о каких правах можно было вести речь? Увы, но именно подобные научные «доказательства», свидетельствующие о глубоком непонимании реалий средневековой России, и выдаются диссертантом за научные достижения.

Беда в том, что если иностранцу простительно в чем-то «не разобраться», то сам диссертант обычно еще хуже понимает то, что берется критиковать. Например, патриотично протестуя против упоминания Флетчером «тирании» в России, В. Р. Мединский заключает: «Напротив, сменяемость лиц, занимавших государственные должности, была признаком демократических традиций» (с. 310). Что имеется в виду в этом пассаже, должно быть, ведомо только самому Мединскому. Как связан с «демократическими традициями» принцип местничества, пронизывавший все назначения на службу? Знаком ли Мединский с темой борьбы аристократических кланов в Боярской думе? Понимает ли, какое место занимали отношения родства в русском средневековом обществе?

У Мединского «получается» (это любимый вводный оборот в лексике диссертанта), что «сочинение английского дипломата было злобной клеветой на Русское государство, ее правителя и народ» (с. 323). Незнание историографии оказывает диссертанту плохую услугу: Мединскому неизвестно, что перевод многострадального сочинения Джильса Флетчера попал у нас под цензурный запрет еще в середине XIX века. Новейший «критик» прямо продолжает в этом случае линию графа Уварова – известного проводника триады «самодержавие-православие-народность».

Стилистика диссертации В. Р. Мединского ближе всего к тому, что в советской исторической науке называлось «критикой буржуазной историографии». Критика эта базировалась на том, что авторы, не владеющие марксистско-ленинской методологией, не достигли требуемых высот познания и заведомо ущербны, поэтому ничего не смыслят в истории. Только с недоумением можно наблюдать возрождение подобного подхода, особенно применительно к авторам иностранных записок о России XV–XVII веков. Они также огульно обвинены Мединским в намеренном искажении действительности. Англичанам, полякам, итальянцам, грекам и австрийцам, как предпочитает писать диссертант (еще есть резиденты – торговые агенты, сразу же записанные в шпионы), противопоставлен заслон из суждений самого Мединского. Его собственные взгляды и оказываются в итоге главным критерием истины в тексте диссертации, а точнее — их ярко выраженная партийность, поскольку диссертант явно искренне убежден, что находится на передовом крае борьбы с фальсификаторами русского прошлого.

Большинство «наблюдений» В. Р. Мединского сделано с позитивистской уверенностью обладания знанием о том, как все было «на самом деле». Он убежден, что все плохое иностранцы переписывали друг у друга, в желании намеренно исказить светлый образ нашей страны, ее людей, веры и обычаев. И только ему, В. Р. Мединскому, удалось раскрыть этот заговор, о котором большинство историков, начиная с великого В. О. Ключевского, даже не подозревало. Комплекс идей диссертанта не подлежит проверке: он основан на вере (или, скорее, самоуверенности) Мединского, поэтому полемика с его взглядами становится бессмысленной. Приведем без комментариев несколько примеров из разных разделов диссертации Мединского. В них вполне раскрывается «исследовательский» стиль диссертанта:

«Исходя из сведений итальянца, получается, что, хотя русские люди и были склонны к пьянству и безделью, но закон, изданный великим князем, запретил им бразжничать

и отлынивать от работы. В итоге они стали вести примерный образ жизни». (С. 83)

«Следует отметить, что в русских источниках нет данных о том, что в Москве было много харчевен и в них местное население обедало. Напротив, известно, что на обед все разъезжались по домам и после него спали». (С. 84)

«На самом деле в России развивались такие же научные знания, как и во многих европейских знаниях: философия, география, астрономия в форме астрологии и др.» (С. 165)

«На самом деле хорошо известно, что русские люди были очень религиозными и часто делали щедрые пожертвования в храмы. Еще в XIV веке сложился значительный земельный фонд, который принадлежал московской митрополии. Поэтому русская церковь была крупным феодальным владельцем и ни в чем не нуждалась. К тому же священники получали большие доходы за многочисленные службы: крестины, венчание, отпевание и т.д. Они имели собственные земельные участки и даже отдавали деньги в рост, т.е. занимались ростовщичеством». (С. 212)

«На самом деле в русских семьях существовало четкое разделение обязанностей. Поэтому муж считался полновластным хозяином на своей половине дома, а жена – на своей». (С. 219)

«На самом деле на Руси в XVI веке холопами становились люди, которые нанимались на определенных условиях и на конкретное время в услужение к другим людям, как правило, бедные – к богатым». (С. 220)

«Ложью были и данные о массовой расправе над евреями. Только двое или трое из них были насильственно крещены и утоплены. Остальных просто изгнали из города». (С. 283)

«На самом деле на Руси с древнейших времен при церквях и монастырях существовали общеобразовательные школы (С. 322).

«На самом деле между греческим и русским языками мало общего. Сходство имеет только написание некоторых букв». (С. 327)

«На самом деле, как уже отмечалось, на Руси очень уважали образованных людей». (С. 344)

«На самом деле, как известно, до удачного похода на Казань 1552 года было только два неудачных. (С. 361)

«На самом деле, как известно из русских летописей, первой столицей Древней Руси был Новгород, потом — Киев». (С. 385).

В следующих цитатах из диссертации Мединского содержатся его характеристики русских самодержцев XVI–XVII вв.:

Иван Грозный:

«В трактате «О государстве Русском» писалось, что Иван Грозный отрубал головы всем людям, которые решались на него посмотреть, но ему были неприятны. Если бы это происходило в реальности, то Русское государство просто обезлюдело бы» (С. 310).

Борис Годунов:

«Царь Борис, действительно, страдавший от подагры, никогда бы не стал лечиться снадобьем, приготовленным далеким от медицины человеком» (С. 387)

Царевич Дмитрий:

«Острым умом, по мнению англичанина, отличался только царевич Дмитрий, но ему перерезали горло». (С. 333)

«Младшего брата, царевича Дмитрия, царь не считал законнорожденным и отказывался включать в свой родственный круг». (С. 335)

«Как известно, в грамотах самозванца была выдвинута версия о подмене Дмитрия другим ребенком и убийстве подложного царевича людьми Годунова. Этим объяснялись его скромные похороны». (С. 343-344)

Лжедмитрий I :

«Действительно, латынь Лжедмитрий не знал, поэтому в своей подписи на этом языке допускал ошибки. Не был он и поляком, поскольку являлся беглым монахом-расстригой. Это было установлено ищущими царя Бориса». (С. 349)

Петр I :

«В Кремле, старинной царской резиденции, он отказывался жить, предпочитая ночевать где попало». (С. 427)

«Во-первых, Петр любил принимать пищу под пушечные залпы. Во-вторых, во время пиров по его требованию использовали потешный серный огонь, устраивали фейерверки, носили чаши с подожженным высушенным табаком. В-третьих, на них присутствовали молодые и красивые женщины, специально приглашенные, и лица, переодетые в костюмы духовных чинов. Все это веселье с обильным употреблением вина называлось Вакханалией». (С. 428)

Отдельного цитирования заслуживают и некоторые интерпретации иностранных известий, наполненные собственными объяснениями Мединского, носящими иногда комических характер:

«Свидетельством варварства русских людей, по мнению голитинца, была их нелюбовь к свободным искусствам, высоким наукам и нежелание ими заниматься. Его возмущало, что в России астрономия и астрология считались волшебством, а анатомирование трупов вызывало отвращение. В качестве примера невежества русских людей Олеарий поместил рассказ об одном иностранце-цирюльнике, хранившем дома скелет. Однако он не пояснил, какие люди не понимали суть астрономии и астрологии и какие испугались шевелящегося скелета. Вероятнее

все, это были простые обыватели, а не элита русского общества, среди которой, наверняка были образованные люди». (С. 386-387)

«На фоне их поведения, доходящего до смертоубийства, русские люди выглядели просто расшалившимися детьми». (С. 388 - о голишинских послах).

«В заключение вышла его жена-красавица с родственницей и с поклоном поднесла каждому гостю чарку с водкой. Все это свидетельствовало о том, что обед проходил чинно и благонаравно». (С. 389)

«Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в главе о положении русских женщин. Олеарий повторил данные Герберштейна и Петрея о том, что русские женщины склонны к ругани с мужьями, любят напиваться и испытывают симпатию к чужим парням. За это мужья их якобы сильно избивали. Но те терпели и считали побои проявлением мужской любви». (С. 394-395)

«Но голишинский дипломат, видимо, захотел представить Россию более отсталой страной, чем она была на самом деле. Для этого он даже написал, что русские люди только сейчас стали улучшаться, поскольку сильно раздражают немцам. Как видим, он не смог удержаться от европейского снобизма по отношению к представителям иного народа». (С. 400)

«Новшеством, замеченным Олеарием, следует считать и то, что дороги в Русском государстве стали ровными». (С. 403)

«Участие женщин в составе австрийского посольства свидетельствовало о том, что поездку в Москву уже не считали опасной. Члены семьи посла знали, что в России им ничего не угрожает, напротив, там они смогут получить много интересных впечатлений и недорого приобрести роскошные меха». (С. 410)

«Хотя встреча Нового года была очень важным праздником, пир по этому поводу в царском дворце устроен не был. Из сочинений иностранцев XVII века, в том числе и Лизека, можно сделать вывод о том, что ни при Михаиле Федоровиче, ни при Алексее Михайловиче широкомасштабные застолья в дворце уже не устраивались. Послам рекомендовалось поспрашивать одним» (С.412)

«Представленный Лизеком выезд царицы, показывает, что она становилась самостоятельным публичным человеком. Подданные должны были видеть не только государя, но и его супругу.» (С.413)

«В отличие от ряда иностранцев, Лизек считал русских женщин красивыми и умными. Но ему, как и другим, не понравилось, что они сильно красились и без этого не показывались на глаза посторонним людям. Вслед за Олеарием он полагал, что главными занятиями женщин было посещение бань, купание в реке и качание на качелях. Но его рассказ о том, что в одном саду он видел 300 наяд, шедших купаться после мытья в бане, выглядит выдумкой. В то время не существовало общественных бань, в которых, могли бы одновременно мыться 300 женщин. К тому же имперское посольство было в Москве в осенне-зимний период, когда массового купания в реках уже не практиковалось.» (С. 419)

В. Р. Мединский нередко старается убедить читателя в намеренном распространении «черных мифов» о России (об этом им уже написаны целые тома популярной литературы,

по какой-то причине названные им монографиями (?!) и включенные в список литературы). В случае обнаружения «черного мифа», Мединский сразу переходит на ответные обвинения, адресованные не только авторам сочинений о России XV–XVII вв., но и всем иностранцам, противопоставляя им идеальных высоконравственных русских людей:

«Данные датчанина о содомии, несомненно, были выдумкой, поскольку все иностранцы, положительно относившиеся к России, писали, что у русских людей было прирожденное отвращение к порокам». (С. 389)

«Ежедневно могли пить только иностранцы, они же носили чулки, которые русские люди заменяли носками». (С. 391)

«Напрашивается вывод о том, что иностранцы умышленно очернили русских женщин, видя их только издали. К тому же на основе памятников книжной культуры и фольклора у исследователей сложилось представление о том, что русскому народу были чужды всевозможные пороки, и в целом русские люди были высоконравственны». (С. 395)

«Новое появилось и в облике русских людей: некоторые красивые женщины отказывались сильно белить лицо и краситься». (С.404)

«Но на самом деле русские люди, по сравнению с иностранцами, были настоящими трезвенниками. Ведь им разрешалось употреблять спиртные напитки всего несколько дней в году, по четырем большим церковным праздникам. Иностранцы же пили беспробудно и ежедневно. (С. 441)

Из приведенных цитат можно заметить, что В. Р. Мединский, хорошо знакомый с основами пиара, использует повышенную частотность в употреблении некоторых слов и оборотов, в стремлении создать необходимое ему впечатление, доказать «достоверность» своих умозаключений. Достаточно репрезентативно лексику диссертанта Мединского могут маркировать следующие слова:

Ошибка,	ошибок	(с	производными	словами)	–	108
Негатив,		негатива			–	63
Неправильно			-			25
Выдумка/выдумки			–			19
Недостоверно			–			16
Ложь			–			13
Неверные	(мнения,		выводы)		–	10
«Черные		мифы»			-	8
Мало		правды			–	1
Ни слова правды –						1
На	самом		деле		–	131
Достоверность	(с		производными	словами)	–	98
Правда			(оговорка)		–	86
Напрашивается	(о	выводе,		предположении)	–	46
Как		известно			–	42
Получается			–			33
Совершенно		очевидно			–	22
Нет данных –						12

После прочтения текста диссертации В. Р. Мединского становится понятно, что иначе как профанацией диссертационную работу, представленную им к защите, назвать нельзя. Обвинив в предвзятости иностранных авторов записок о России XV – XVII вв., диссертант тщательно пытался создать видимость «объективности», манипулируя словами и фактами. В результате текст Мединского, объемом более 400 страниц, заполнен обоснованиями исключительно собственных охранительных воззрений автора на историю России. Но В. Р. Мединскому этого было мало. В Заключении работы раскрывается еще одна цель ее создания. Там Мединский перечисляет пять выделенных им «исторических уроков» (!) и пять «научно-практических рекомендаций» (отметим, что диссертант считает себя вправе поучать и раздавать рекомендации, еще ничего не совершив в науке)

Избавляя читателя рецензии от пафосных уроков диссертанта, процитирую одну из рекомендаций В. Р. Мединского, откровенно объяснившего, зачем он написал диссертацию. Мединский пишет: «нужна отдельная государственная историко-пропагандистская организация. Она должна заниматься вопросами изучения и сохранения исторического наследия, вопросами исторической памяти и исторической пропаганды. Диссертант считает, что эта организация должна решать контрпропагандистские задачи» (С. 452). Как можно заметить по деятельности Российского исторического общества, а также по данному Мединскому поручению курировать процесс создания «единого учебника» по истории России, практическую значимость диссертации все-таки оценили.

Вернемся к цитате из статьи «Дух празднословия», которой начиналась эта рецензия. Подметив явление нового пласта квазиисследовательской литературы в гуманитарных науках, Д. М. Буланин писал, что она обычно «не предназначена для чтения, автору не нужен читатель – нечто неизвестное книжной культуре прошлого и, вероятно, с трудом постигаемое разумом тех, кто оперирует категориями этой культуры». Казус с «докторской диссертацией» В. Р. Мединского показывает, что у этой болезни есть и другие симптомы, а для ее лечения необходимы общие усилия гуманитариев.

Вячеслав Козляков, доктор исторических наук